

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 12 / 2025, Iss. 12 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

Философия рубежа веков и гуманистический поворот – А.П. Чехов на Сахалине

¹ У Юйтин,
¹ Восточно-китайский педагогический университет, Китай

Аннотация: исследование посвящено произведению А.П. Чехова «Остров Сахалин» как тексту, в котором документальность сочетается с философским свидетельством человеческого существования. Цель работы – выявить «философию рубежа» и «гуманистический поворот» в творчестве писателя. Методология опирается на литературоведческий анализ, философскую интерпретацию в контексте экзистенциализма и историко-культурный подход. Результаты показывают переход Чехова от позиции наблюдателя к роли этического свидетеля. «Остров Сахалин» предстает как «письмо существования», где фиксация фактов соединяется с утверждением ценности человеческого достоинства, свободы и ответственности. Научная новизна работы заключается в рассмотрении текста как предвестия экзистенциальной философии XX века, а его практическая значимость – в возможности нового осмысления гуманистической традиции русской литературы.

Ключевые слова: Чехов, «Остров Сахалин», философия рубежа, гуманистический поворот, экзистенциализм, этическое свидетельство, Другой

Для цитирования: У Юйтин Философия рубежа веков и гуманистический поворот – А.П. Чехов на Сахалине // Modern Humanities Success. 2025. № 12. С. 14 – 20.

Поступила в редакцию: 20 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 18 ноября 2025 г.

Philosophy of the turn of the century and the humanistic shift – A.P. Chekhov on Sakhalin

¹ Wu Yuting,
¹ East China Normal University, China

Abstract: the study examines A.P. Chekhov's *Sakhalin Island* as a text that combines documentary precision with a philosophical testimony of human existence. The aim of the paper is to reveal the “philosophy of the turn of the century” and the “humanistic shift” in the writer's work. The methodology relies on literary analysis, philosophical interpretation in the context of existentialism, and a historical-cultural approach. The results demonstrate Chekhov's transition from the position of an observer to that of an ethical witness. Sakhalin Island appears as a “letter of existence”, where the recording of facts is united with the affirmation of human dignity, freedom, and responsibility. The scientific novelty of the study lies in viewing the text as a precursor to the existential philosophy of the 20th century, while its practical significance is found in the potential for a renewed understanding of the humanistic tradition in Russian literature.

Keywords: Chekhov, Sakhalin Island, philosophy of the turn of the century, humanistic shift, existentialism, ethical testimony, the Other

For citation: Wu Yuting Philosophy of the turn of the century and the humanistic shift – A.P. Chekhov on Sakhalin. Modern Humanities Success. 2025. 12. P. 14 – 20.

The article was submitted: July 20, 2025; Approved after reviewing: September 18, 2025; Accepted for publication: November 18, 2025.

Введение

Конец XIX века в России ознаменован глубокими социальными потрясениями и идейными поисками. В этот период произведение А.П. Чехова «Остров Сахалин» (1895), созданное после его поездки на каторжный остров в 1890 году, выходит за рамки документального очерка, становясь важнейшим философско-литературным свидетельством. **Целью** данного исследования является выявление «философии рубежа» и «гуманистического поворота» в творчестве Чехова на материале этой книги. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью нового осмысления гуманистической традиции русской литературы и выявления в ней предвестия экзистенциальной проблематики. **Задачи** исследования: проанализировать нарративные стратегии Чехова; рассмотреть изображение абсурда и свободы как экзистенциальных категорий; раскрыть этическое измерение проблемы «Другого»; проследить эволюцию авторской позиции от наблюдателя к свидетелю.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил текст книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», а также научные работы, посвященные творчеству писателя и экзистенциальной философии. В работе применяется комплекс междисциплинарных **методов**: литературоведческий анализ для изучения нарративных стратегий и художественных образов; философская интерпретация с опорой на концепции абсурда А. Камю и свободы Ж.-П. Сартра, что позволяет выявить в книге Чехова предвосхищение ключевых тем философии XX века; историко-культурный метод, учитывающий социально-политический контекст России конца XIX века и особенности каторжной системы.

Результаты и обсуждения

Как отмечает исследователь: «Писатели и журналисты, филологи и врачи, историки и краеведы пытались (и ныне пытаются) понять, что именно подвигло А.П. Чехова отправиться на каторжный остров, выяснить то влияние, которое эта поездка оказала как на его дальнейшее творчество, так и на русскую литературу в целом, определить то место, которое чеховский «Сахалин» занимает в мировой литературе» [1, с. 6]. В течение трёх месяцев пребывания на Сахалине Чехов опросил около десяти тысяч ссыльных и переселенцев, вёл подробные записи и составил статистические таблицы, что в итоге воплотилось в книгу «Остров Сахалин». Произведение Чехова передаёт не только

жестокость общественных порядков, но и заставляет читателя прямо взглянуть на уязвимость и абсурдность самой жизни. Его повествование сочетает документальность и эмоциональную сдержанность, создавая особый эффект соприсутствия: читатель словно оказывается в этом «тюремном мире без стен», разделяя с героями их обречённость и страдания.

Для Чехова характерно повышенное внимание к «жизни человеческого тела», попытки объяснить явления жизни психофизиологическими особенностями тех или иных типов личности и даже с помощью психиатрии. Чехов-врач неотделим от Чехова-художника [2, с. 108]. Через описания каторжных, беглых, женщин и представителей малочисленных народов писатель выявляет крайнюю степень человеческого страдания и борьбы: здесь время утрачивает значение, личность превращается в жертву институционализированного насилия, свобода отнимается и нередко объявляется преступлением, а человеческое достоинство разрушается в условиях постоянного унижения.

Камю (Albert Camus) в «Мифе о Сизифе» отмечал: «Когда мир поддается объяснению, хотя бы и не слишком надежному в своих доводах, он для нас родной. Напротив, человек ощущает себя чужаком во вселенной, внезапно избавленной от наших иллюзий и попыток пролить свет на нее. И это изгнанничество неизменно, коль скоро человек лишен памяти об утраченной родине или надежды на землю обетованную. Разлад между человеком и окружающей его жизнью, между актером и декорациями и дает, собственно, чувство абсурда» [3, с. 131]. Камю подчёркивает, что абсурд – это не свойство самого мира и не характеристика человека как такового, а особое состояние, возникающее в столкновении человеческого стремления к смыслу с безразличным молчанием мира. Чехов в «Острове Сахалин» неоднократно подчёркивает: «какой ад бывает здесь» [4, с. 94]. Через детализированные описания среды и обстоятельные зарисовки он создаёт у читателя сильный эффект присутствия, словно «заклячая» его в этот «тюремный мир без стен» и вовлекая в совместное переживание мрака каторжной жизни и человеческой обречённости. Здесь пространственная изоляция и институционализированная каторга постепенно лишают людей ощущения времени: «в этом конце света, где не помнят дней недели, да и едва ли нужно помнить, так как здесь решительно всё равно – среда сегодня или четверг...» [4, с. 122]. Повседневность здесь превращается в бесконечное

повторение боли и труда, время утрачивает своё содержание и сводится к монотонности и бессмысленности. Именно это онемение времени и есть реальное воплощение абсурда.

Эта ситуация абсурда особенно ярко проявляется в «Рассказе Егора». Егор – простой крестьянин, но вследствие судебной ошибки он оказался в ссылке на Сахалине. Он «из себя человека неуклюжего, неповоротливого, как говорится, увальня» [4, с. 67]. На первый взгляд он кажется глуповатым, однако в его облике отчётливо просматриваются черты трудолюбивого и добросовестного человека из народа. Он работает без устали: построил себе избу, делает ведра, столы, неуклюжие шкапы, умеет делать всякую мебель, но только «про себя», то есть для собственной надобности. Его судьба в одночасье была разрушена произволом власти: семья распалась, жизнь оказалась сломанной. Перед лицом несправедливости он не имеет сил сопротивляться и лишён воли к протесту, отвечая на абсурд судьбы лишь покорностью. Его существование, как отмечает Чехов, находится «между жизнью и выживанием», что по сути означает смирение с насилием и добровольное принятие рабского удела. Его трудолюбие не принесло счастья, а лишь позволило сохранить физическое существование. В конце разговора с Чеховым Егор искренне молится: «Бога молил, чтобы детям ума-разума послал» [4, с. 71]. И эта молитва одновременно выражает слабую надежду на будущее и демонстрирует противоречивое сочетание чувства бессилия и глубоко укоренённого фатализма. Таким образом, образ Егора является не только концентрированным выражением индивидуальной трагедии, но и символом судьбы целого народа и исторического удела определённого социального слоя.

Ещё более жестокой оказывается реальность Сахалина в том, что она не ограничивается лишь вынужденным трудом и бесконечным круговоротом безнадёжного времени, но и наполнена прямым уничтожением человеческой жизни. Чехов описывает казнь каторжного Прохорова, подвергнувшегося наказанию плетьюми: «Прохоров не произносит ни одного слова, а только мычит и хрипит; кажется, что с начала наказания прошла целая вечность, но надзиратель кричит только: “Сорок два! Сорок три!” До девяноста далеко» [4, с. 275]. С первой же плети время будто растягивалось до бесконечности, и к концу наказания тело заключённого было превращено в кровавое месиво, а сознание находилось на грани распада. Эта экзекуция была не только физическим мучением, но и полным

отрицанием человеческого существования и достоинства. Чехов тонко подметил: «От телесных наказаний грубеют и ожесточаются не одни только арестанты, но и те, которые наказывают и присутствуют при наказании. Исключения не составляют даже образованные люди» [4, с. 276]. На Сахалине смерть перестаёт быть условием подлинного бытия и превращается в повсеместную угрозу и средство устрашения. Субъектность человека в условиях системного насилия полностью нивелируется, а сама жизнь утрачивает свою ценность.

Чехов также описывает сцену противостояния беглого каторжника с природой: «Вот около сосен плетется беглый с котомкой и с котелком на спине. Какими маленькими, ничтожными представляются в сравнении с громадной тайгой его злодейства, страдания и он сам!» [5, с. 36] Холодное безразличие природы лишь усиливает ощущение абсурда: она не сочувствует человеческим страданиям и не откликается на усилия человека. Камю подчёркивал, что корень абсурда заключается в разрыве между жаждой смысла и молчанием мира, и именно сахалинская тайга вместе с каторжной системой демонстрируют этот разрыв.

Таким образом, «Остров Сахалин» конкретизирует экзистенциальное понятие абсурда: утрата времени, притупление повседневности, покорность и фатализм, институционализированная угроза смерти и равнодушие природы формируют «границы существования». Сдержанный стиль Чехова выявляет хрупкость человека в предельных обстоятельствах. Эти образы служат не только обвинением самодержавной системе, но и философским размышлением о бытии и достоинстве, делая текст важным свидетельством для потомков.

Если абсурд раскрывает бессилие и оцепенение человека в экстремальных условиях, то свобода демонстрирует неизбежность экзистенциального выбора даже в состоянии отчаяния. Сартр в «Бытии и ничто» отмечает: «Человек совсем не является в начале, чтобы потом быть свободным, но нет различия между бытием человека и его “свободным-бытием”» [6, с. 62]. Человеческое существо «обречено на свободу», и даже находясь под самым суровым внешним гнётом, человек вынужден делать выбор и нести ответственность за него. В «Острове Сахалин» Чехов, обращаясь к описанию беглых каторжников, к теме любви и заключения, ярко воплощает в конкретных образах это «проклятие свободы», проявляющееся в жестокой реальности.

На Сахалине свобода почти всегда связывается

с побегом. Преступники бегут не для того, чтобы найти спасение в труде и раскаянии, а главным образом потому, что в их сердцах ещё не угасло стремление к жизни. Побег является не только выражением жажды свободы, но и последней формой борьбы за жизнь. Для каторжников побег превращается в неудержимое желание выживания: они стремятся покинуть этот «остров смерти», так как здесь их постоянно ждут бесчеловечные телесные наказания и каторжный труд. Такой выбор находит прямое соответствие в Сартровской концепции: даже если свобода ведёт к гибели, человек не может от неё избавиться. Свобода – это не внешняя привилегия, а неизбежная сущность человеческого существования. Чехов далее отмечал: «Гонит ссыльных из Сахалина также стремление к свободе, при-сущее человеку и составляющее, при нормальных условиях, одно из его благороднейших свойств» [4, с. 282].

Особенно наглядно свобода, любовь и жизнь предстают в образе молодого каторжника Артема. «Он был влюблен в аинку, жившую в одной из юрт на реке Найбе, и, говорят, пользовался взаимностью. Его заподозрили как-то в краже и в наказание перевели в Корсаковскую тюрьму, то есть за 90 верст от аинки. Тогда он стал бегать из поста в Найбучи для свидания с возлюбленной и бегал до тех пор, пока его не подстрелили в ногу» [4, с. 284]. Эта история свидетельствует: даже в состоянии заключения человек продолжает стремиться к выбору – пусть даже выбор этот сопряжён с риском или заведомо обречён на неудачу. Экзистенциализм утверждает, что именно сам акт выбора, а не его результат, конституирует существование. Трагедия Артема подтверждает этот тезис: он не обретает ни любви, ни свободы, но в самом факте выбора утверждает себя как «существо».

Однако свобода не сводится лишь к проявлению индивидуальной воли, она неизбежно сопряжена с ответственностью. Сартр подчёркивал: человеческая свобода всегда сопряжена с ответственностью. Чехов, описывая побег, отмечал и их угрозу общественному порядку: беглецы нередко причиняли вред деревням и мирным жителям, и потому свобода оказывалась тесно переплетённой с насилием. В этом проявляется парадокс свободы: будучи сущностным свойством человека, она в то же время может обернуться угрозой для другого. Свобода не является безусловной романтикой, она всегда ограничивается и осмысливается в отношении к другим и к социуму.

На Сахалине выбор почти всегда означает трагическую дилемму: остаться – значит медленно угасать под гнётом институционализированного насилия; бежать – значит почти наверняка встретить смерть. Такая «двойственная ситуация» соответствует тому, что экзистенциализм называет «пограничными ситуациями». Феномен человеческой жизни, конституируясь в некой целостности, знаменует свое начало в моменте рождения; смерть, являясь неотторжимым фактом экзистенции, обуславливает его завершение. Однако смерть как экзистенциал человеческого бытия открывается не только при уходе человека из жизни – смерть втянута в нее и принимает непосредственное участие как нечто, тяготеющее над человеческим существованием. Это определяется в экзистенциализме как «бытие к смерти» [7]. В изображениях Чехова шаги беглецов, тоска по родине и стремление к свободе складываются в коллективный образ существования народа, оказавшегося под гнётом репрессивной системы.

Таким образом, в «Острове Сахалин» свобода не выступает внешне дарованным правом, а является внутренней неизбежностью. Именно она позволяет человеку даже в глубочайших страданиях сохранять напряжённость выбора. Чехов посредством трезвых наблюдений и детализированных описаний показывает: даже если свобода равнозначна гибели, человек всё же совершает выбор в самой гибели. Эта неизбежность свободы и составляет подлинное основание человеческого существования.

На Сахалине основное население составляли каторжные, принудительные переселенцы, вольные и гиляки. Как отмечает В.Б. Катаев, «автору «Острова Сахалина» чуждо нагнетание жалости к описываемым им ссыльным, он пользуется одним средством воздействия на чувство читателя – выразительными фактами. Говорящий материал встречается на каждом шагу и в любое время, надо быть лишь достаточно вдумчивым и наблюдательным, чтобы его раздобыть» [8]. Чехов обращает внимание не только на существование каторжных и побегов, но и подробно описывает жизнь женщин, малочисленных народов и социально уязвимых групп. Эти категории постоянно находились в состоянии унижения и отчуждения, их достоинство было поправлено, а существование сведено к минимуму. Однако именно в этих «других» писатель проявляет глубокую гуманистическую заботу. Через их судьбы он показывает, как в условиях угнетения и насилия искажаются человеческие отношения, и ставит

фундаментальные вопросы о достоинстве и этике. Этот ракурс напрямую соотносится с экзистенциальной проблематикой «Другого» и «этической ответственности».

Прежде всего, положение женщин наиболее наглядно отражает жестокость и равнодушие общества. Чехов отмечает, что на Сахалине крайне редко встречались законные браки: большинство мужчин и женщин жили в незаконном сожителстве, многие становились проститутками, утратив достоинство и чувство стыда. Среди нивхов, как подчёркивает Чехов, «члены женского пола одинаково бесправны, будь то бабка, мать или грудная девочка; они третируются, как домашние животные, как вещь, которую можно выбросить вон, продать, толкнуть ногой, как собаку» [4, с. 135]. Он добавляет: «Человеческое достоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются в расчет ни в каком случае...» [4, с. 201]. Эти наблюдения показывают полную дегуманизацию личности, превращение человека в объект. Женщины Сахалина лишены субъектности, сведены к роли орудия воспроизводства или предмета эксплуатации.

Во-вторых, описание нивхов и других коренных народов выявляет конфликт между цивилизацией и колонизацией. Чехов показывает, как под давлением колонизаторов нивхи превращались в «изгоев»: их приучали к пьянству, вовлекали в охоту за беглецами, что вело к культурной деградации. Писатель изображает их с сочувствием, подчеркивая простоту быта и уважение к природе, но и трагический отказ от традиций. Этот процесс стал свидетельством дегуманизации «Другого» в колониальном дискурсе. Перо Чехова возвращает этим народам лицо и голос.

В-третьих, Чехов затрагивает проблему духовной деградации, вызванной отсутствием образования и религиозного воспитания. Школы и церкви существовали лишь номинально, дети росли без духовной опоры. Это означало, что общество лишало индивида не только физической, но и внутренней свободы. Разрыв человеческих связей вел к краху достоинства и разрушению основы человечности.

Важно, что Чехов не ограничивается холодной фиксацией фактов. Его повествование пробуждает сострадание: описывая проститутку, он упоминает «остатки стыда»; говоря о нивхах, – их наивность и трагизм; о детях – духовную нищету. Так документ превращается в акт этического свидетельства: показывая «лицо Другого», Чехов зовет к заботе и справедливости. «В книге есть

приезд на каторжный остров, но нет отъезда с него... автор так и остается в кругу сахалинских проблем и страданий» [9].

Таким образом, в «Острове Сахалин» образ «Другого» становится знаком гуманистического пробуждения. Показывая судьбы женщин, коренных народов и детей, Чехов раскрывает утрату и стремление к восстановлению достоинства. Этот поворот соотносится с экзистенциальным императивом: человеческая ответственность рождается в отношении к «Другому». М.Л. Семанова отмечала, что очерковая книга Чехова – не итог, а процесс познания «забытого участка жизни», выражение «думы человека и художника о своем времени», свидетельство его возмужалости и гражданского гуманизма [10].

Первоначально Чехов использует холодный, близкий к социологическому стиль, фиксируя географию, быт и судебную систему острова. Однако постепенно он отходит от беспристрастного описания и обращается к этическому осмыслению действительности. Этот переход можно определить как «этическое пробуждение» – утверждение человечности через сопротивление абсурду.

Индивидуальные судьбы, такие как дело Егора, превращаются из исследовательских заметок в свидетельства человеческой стойкости: Чехов становится не наблюдателем, а «этическим свидетелем». Побег каторжных символизируют не только стремление к свободе, но и «неугасшее сознание жизни», акт отказа от дегуманизации.

В изображении женщин и нивхов Чехов разрушает предрассудки эпохи: в униженных он видит «остатки стыда», простоту и боль, возвращая им человеческое лицо и голос. Его текст делает из «других» полноправных этических субъектов.

Финал книги выражает отрицание самой системы: «Так больше жить нельзя». Этот крик становится не только обвинением режима, но и утверждением универсальной идеи человечности. «Остров Сахалин» знаменует переход Чехова от регистратора фактов к гуманистическому свидетелю, предвосхищая экзистенциальную философию XX века.

Выводы

«Остров Сахалин» Чехова предстает не только как социальное исследование, но и как философское свидетельство человеческого существования. В нём показаны утрата времени, подавление свободы и разрушение достоинства, а сам автор проходит путь от объективного наблюдателя к этическому свидетелю. Этот

гуманистический поворот определил дальнейшую эволюцию его творчества и обогатил русскую литературу новым критическим измерением.

Значимость произведения заключается в том, что оно соединяет традиции реализма XIX века с предвестием экзистенциальной философии XX века. Возглас Чехова «Так больше жить нельзя» является одновременно обвинением системе и

призывом к защите человеческого достоинства. Дальнейшие исследования могут быть направлены на выявление связей «Сахалина» с поздними произведениями писателя, а также на анализ его влияния на современный гуманитарный дискурс и литературу, ориентированную на социальную и этическую проблематику.

Финансирование

Работа была профинансирована «Программой развития академических инноваций для выдающихся докторантов 2024 года» (ECNU Academic Innovation Promotion Program for Excellent Doctoral Students), Номер: YBNLTS2024-041

Список источников

1. Высоков М.С. Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток: Рубеж, 2010. 512 с.
2. Проваторова О.Н. «Остров Сахалин» А.П. Чехова – «Дума художника и человека о своем времени» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 108 – 113.
3. Камю А. Миф о Сизифе // Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула: сборник. М.: АСТ, 2014. С. 121 – 200.
4. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок). Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2010. 352 с.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения: в 18-ти т. Т. 14-15. Из Сибири. Остров Сахалин (1890-1895) Москва: Изд-во «Наука», 1987. 926 с.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии: пер. с фр. В.И. Колядко. М.: Республика, 2004. 639 с.
7. Силенин И.А. Экзистенциализм: бытие между жизнью и смертью // Манускрипт. 2017. № 3-1 (77). С. 138 – 142.
8. Катаев В.Б. Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 230 – 245.
9. Сухих И.Н. «Остров Сахалин» в творчестве Чехова // Русская литература. 1985. № 3. С. 68 – 83.
10. Семанова М.Л. Чехов-очеркист (от факта, документа – к творческому воплощению) // Чеховские чтения в Ялте. М.: Наука, 1973. С. 105 – 118.

References

1. Vysokov M.S. Commentary on the book by A.P. Chekhov "Sakhalin Island". Vladivostok: Rubezh, 2010. 512 p.
2. Provatorova O.N. "Sakhalin Island" by A.P. Chekhov – "The Thought of an Artist and a Man about His Time". Bulletin of the Orenburg State University. 2017. No. 1 (201). P. 108 – 113.
3. Camus A. The Myth of Sisyphus. Camus A. Stranger. The Myth of Sisyphus. Caligula: collection. Moscow: AST, 2014. P. 121 – 200.
4. Chekhov A.P. Sakhalin Island (From travel notes). Vladivostok; Yuzhno-Sakhalinsk: Rubezh, 2010. 352 p.
5. Chekhov A.P. Complete collection of works and letters. Works: in 18 volumes. Volumes 14-15. From Siberia. Sakhalin Island (1890-1895) Moscow: Nauka Publishing House, 1987. 926 p.
6. Sartre J.-P. Being and nothingness: Experience of phenomenological ontology: trans. from fr. V.I. Kolyadko. M.: Republic, 2004. 639 p.
7. Silenin I.A. Existentialism: being between life and death. Manuscript. 2017. No. 3-1 (77). P. 138 – 142.
8. Kataev V.B. The author in "Sakhalin Island" and in the story "Gusev". In Chekhov's creative laboratory. M.: Nauka, 1974. P. 230 – 245.
9. Sukhikh I.N. "Sakhalin Island" in the works of Chekhov. Russian literature. 1985. No. 3. P. 68 – 83.
10. Semanova M.L. Chekhov the essayist (from fact, document – to creative embodiment). Chekhov readings in Yalta. M.: Nauka, 1973. P. 105 – 118.

Информация об авторе

У Юйтин, докторант, Институт иностранных языков, Восточно-китайский педагогический университет, Китай, wuyuting0220x@163.com

© У Юйтин, 2025